

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.9

Характеристика позиций взаимодействия как форм выражения ценностей принуждения или ненасилия

В. Г. МАРАЛОВ

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

В. А. СИТАРОВ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья посвящена проблеме соотношения ценностей принуждения или ненасилия с позициями взаимодействия. Актуальность ее обусловлена значимостью выявления механизмов влияния ценностных ориентаций на поведение человека, его отношения с другими людьми, что дает возможность создавать психолого-педагогические условия для формирования ценностных ориентаций и гуманистической направленности личности.

Дается характеристика насилия и ненасилия как общечеловеческих ценностей. Выдвигается предположение о том, что в качестве логического основания для выделения позиций взаимодействия могут выступать, с одной стороны, принятие или непринятие ценностей принуждения или ненасилия, с другой — уровень активности или пассивности субъекта взаимодействия. В результате теоретического анализа выделяются и описываются четыре позиции. Позиция принуждения имеет варианты: эгоистический, эгоцентрический и псевдоальтруистический. Манипулятивная позиция в прямой и косвенной форме и как ее вариант — «ханжеская» позиция» (позиция двуличия). Также рассматриваются позиция ненасилия и позиция смирения с ее вариантами — альтруистической позицией и позицией невмешательства.

Дается характеристика структурных компонентов каждой позиции: мотивационно-ценностного, когнитивного, эмоционального и поведенческого. Осуществлен анализ различных точек зрения на проблему оправданности применения принуждения или ненасилия. Приводятся аргументы в пользу целесообразности позиции ненасилия как формы взаимодействия. Ее преимущества состоят в гибкости поведения, проявляющегося в выборе таких средств взаимодействия, которые несут в себе наименьший заряд принуждения. Результаты исследования могут быть использованы в процессе практической деятельности по формированию гуманистической направленности личности.

Ключевые слова: насилие; ненасилие; ценности; позиция принуждения; позиция манипулирования; позиция ненасилия; позиция смирения

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и смерть, разрушение и созидание — законы, по которым существует мир, в том числе и человеческое общество. Они носят объективный характер и определяют способ существования действительности. Человек в силу того, что он обладает сознанием и способностью к целенаправленной деятельности, способен оказывать влияние на эти законы в сторону их усиления или ослабления. Осознание этого факта порождает различные ценностные ориентации. Признание приоритета разрушения над созиданием как способа устройства своей жизни, достижения, по сути, эгоистических целей, связанных с получением преимуществ для себя и своего окружения, приводит к возникновению отрицательных ценностей. К ним относят зло, эгоизм, обман, ненависть, коварство, насилие и др. Признание же приоритета созидания над разрушением определяет существование положительных ценностей. Наиболее известные из них — добро, любовь, свобода, красота, польза, равенство, ненасилие, человек и т. п. На уровне отдельного человека эти ценности могут сочетаться различным образом. Например, любовь проявляется только к близким людям, а к чужим — ненависть; свобода допустима для себя и не допускается, скажем, для других. Предпочтение определенной группы ценностей приводит к формированию либо эгоистической, либо гуманистической направленности личности, в основе которых лежит система доминирующих мотивов поведения.

В контексте заявленной темы нас интересуют ценности принуждения и ненасилия.

Целью настоящего теоретического исследования явилось выделение и описание психологических особенностей позиций взаимодействия как форм выражения ценностей принуждения или ненасилия. Мы исходили из предположения о том, что в качестве логического основания для выделения позиций взаимодействия могут выступать, с одной стороны, степень принятия или непринятия ценности принуждения или ценности ненасилия, а с другой — уровень активности или пассивности субъекта взаимодействия. В результате можно выделить четыре типа позиций. Ориентация личности на допустимость принуждения в своей активной форме порождает позицию принуждения, а в пассивной форме — позицию манипулирования. Ориентация на ненасилие

в активной форме определяет позицию ненасилия, а в пассивной — позицию смирения. Каждая из этих позиций в зависимости от доминирующих мотивов может иметь различные варианты.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЦЕННОСТЕЙ ПРИНУЖДЕНИЯ И НЕНАСИЛИЯ С ПОЗИЦИЯМИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Насилие определяют обычно как форму принуждения со стороны одной группы людей (одного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения определенных выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства. В основе принуждения лежит такое воздействие, которое приводит к разрушению или приносит существенный ущерб объекту или субъекту взаимодействия. Различают следующие виды насилия: физическое, психологическое, социальное насилие, которые могут проявляться в различных формах и разновидностях.

Насилие чаще относят к отрицательным ценностям, тем не менее существует немало философских, этических, психологических концепций обоснования правомерности его использования. Они основываются на праве сильного вершить дела по своему усмотрению и произволу. Вспомним фразу Р. Раскольникова, героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Тварь я дрожащая или право имею?» Сторонники признания насилия как ценности исходят из положения о том, что в природе все построено на насилии, на подавлении слабого сильным, что тем самым обеспечивает выживание вида; по такому же закону существует и человеческое общество и строятся человеческие отношения.

Если перейти на уровень обыденного сознания — на уровень психологии конкретного человека, то следует констатировать тот факт, что большинство людей не приемлет насилие в его открытой форме (война, убийство, вред здоровью, преступность и т. д.), но вполне оправдывает насилие, которое не наносит видимого физического или психологического ущерба. Для многих фраза: «Не будешь заставлять — ничего не будет делать» — вполне логична, оправданна и продиктована самой практикой жизни.

Ненасилие — это идеологический, этический и жизненный принцип, в основе которого лежит признание ценности всего живого, человека и его жизни, утверждение приоритета ненасилия в противовес принуждению как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми.

Ненасилие, безусловно, относится к положительным общечеловеческим ценностям. Оно ориентировано на созидание, а не на разрушение. Фактически во всех мировых религиях принципу ненасилия уделяется первостепенное внимание (в христианстве, буддизме, джайнизме, индуизме и др.). Не менее значимы и философско-этические его обоснования. Достаточно вспомнить взгляды Л. Н. Толстого, Н. К. Рериха, М. Ганди, Ж. Семлена, М. А. Кинга, А. Швейцера, Г. Торо и многих других. Приведем лишь одно характерное высказывание значимости ненасилия как ценности, которое принадлежит внуку М. Ганди Аруну Ганди: «Ненасилие — не стратегия, которой можно воспользоваться сегодня и отказаться от нее завтра, и не та вещь, которая делает вас кроткой овечкой; ненасилие — это создание позитивных отношений между людьми взамен негативных, доминирующих в нашем мире» (Ганди, 2009: 5).

Обобщение имеющихся взглядов на проблему ненасилия дает возможность сформулировать следующие положения его современного понимания, которые приводились нами ранее (Маралов, Ситаров, 2015). Во-первых, признается, что насилие и не-

насилие в своем пределе недостижимы. Речь идет о приоритетах, которые выбирает человек в каждый конкретный момент времени. Поэтому ненасильственным действием будет считаться такое, которое несет в себе меньший заряд принуждения. Во-вторых, способность к ненасилию не есть слабость человека, а, наоборот, является проявлением его силы, так как требует от него уверенности, позитивного мышления, прогнозирования последствий своих поступков и действий. В-третьих, ненасилие — это способность к преодолению эгоцентризма, умение встать на позицию другого человека и действовать уже с учетом этой позиции. В-четвертых, ненасилие — проявление независимости и автономности личности, умение возлагать на себя всю полноту ответственности за принятие решений и совершаемые действия. В-пятых, ненасилие проявляется в особых действиях, исключающих возможность необоснованного принуждения и нанесения вреда объектам и субъектам взаимодействия.

Ненасилие как альтернатива принуждению проявляется в таких качествах человека, как доброта в противовес злобности, дружелюбие в противовес враждебности, доброжелательность в противовес подозрительности, открытость в противовес закрытости, эмпатия в противовес черствости, доверие в противовес недоверию, терпимость в противовес нетерпимости, любовь в противовес ненависти, вежливость в противовес грубости и т. п. В поведенческом плане человек, принимающий идеи ненасилия, ориентирован на сотрудничество, помощь, поддержку, поиск компромиссов, отказ от манипулирования. Все эти названные качества и поведенческие характеристики ценились в человеке во все времена, особенно когда они сочетаются с ясным умом, социальной смелостью, принципиальностью, порядочностью, гибкостью, способностью к принятию решений.

Из сказанного понятно, что в зависимости от того, каких ценностей придерживается человек — насилия или ненасилия, будет зависеть его позиция, которую он занимает во взаимодействии с другими людьми. Актуальность проблемы соотношения ценностей с позициями взаимодействия обусловлена значимостью выявления механизмов влияния ценностных ориентаций на поведение человека, его отношения с другими людьми, что дает возможность создавать необходимые психолого-педагогические условия для формирования ценностных ориентаций и гуманистической направленности личности.

Под позицией понимают обычно, с одной стороны, положение человека в социальной структуре или в структуре межличностных отношений, с другой стороны, систему его отношений к действительности. В этих отношениях и находят выражение взгляды, мотивы, установки, ценностные ориентации. Любая позиция имеет свою структуру. Чаще всего в науке выделяют мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Этой структуры будем придерживаться и мы в своем дальнейшем изложении. В качестве признака, определяющего, какую позицию занимает индивид в процессе взаимодействия, выступает использование той или иной стратегии воздействия. Различают императивную, манипулятивную, развивающую стратегии (Ковалев, 1987).

ПОЗИЦИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ

Позиция принуждения — это система взглядов, ценностей, мотивов, поведенческих реакций, проявляющихся в особом отношении человека к миру и другим людям, в основе которого лежит признание принуждения как основного способа достижения целей, разрешения конфликтных ситуаций, ориентированная на подавление или ослабление другого объекта или субъекта взаимодействия.

Мотивационно-ценностный компонент данной позиции состоит в признании человеком принуждения как ценности, которую с гуманистической точки зрения следует отнести к категории отрицательных. Как мы уже отмечали, принятие ценности принуждения может быть полным или частичным. При полном принятии принуждения человек допускает возможность применения всех форм насилия для достижения своих целей и удовлетворения собственных амбиций. Для него практически не существует ограничений, кроме боязни потерпеть неудачу и подвергнуться наказаниям. При частичном принятии ценности принуждения не признаются крайние формы насилия (убийство, вред здоровью, преступные действия и т. п.), но наблюдается лояльное отношение к формам, которые условно можно назвать давлением на личность. Вспомним армейскую поговорку: «Не хочешь — заставим, не можешь — научим». Такая установка является достаточно устойчивой, она базируется на собственном опыте жизни и деятельности человека и с трудом поддается коррекции. В этом случае принуждение выступает нередко как форма выражения либо эгоистической, либо эгоцентрической направленности личности. Если человек центрирован на себе, считает свои взгляды, принципы, поведение правильными, то он вольно или невольно будет стремиться к тому, чтобы другие люди соответствовали его ожиданиям, т. е. допускать возможность принуждения другого человека.

С ценностным аспектом тесно связана и мотивация поведения. Она варьирует от мотивов утверждения себя, удовлетворения собственных амбиций до мотивов, связанных с подавлением и унижением другого человека, который воспринимается как недостойный внимания, как неудачник, заслуживающий своим поведением наказания. Эти группы мотивов могут выступать как изолированно друг от друга, так и во взаимосвязи. В первом случае начинают доминировать эгоистические или эгоцентрические мотивы, которые могут маскироваться под мотивы блага для других, обоснование целесообразности насильственного действия: «Я знаю, как лучше». К эгоистическим мотивам относятся мотивы, связанные с личной пользой, заботой о собственных интересах. Сюда можно отнести мотивы корысти, мести, борьбы за лидерство, освобождения от забот и многие другие. Во втором случае верх берут мотивы, обусловленные пренебрежительным отношением к другим людям, которые не заслуживают того, чтобы к ним относились с уважением, их поведение требует осуждения и коррекции, в том числе и в агрессивной форме. Сюда относятся мотивы, связанные с нанесением ущерба, подавлением другого человека, унижением его личностного достоинства, нанесением обиды и т. д.

Когнитивный компонент. Он состоит в более или менее осознанном принятии решения совершить действие принуждающего характера. Здесь актуализируются прошлый опыт человека, его знания и мышление, без которых невозможно это решение принять. При осознанном решении личность может заранее планировать свое поведение. Например: «Я ему обязательно отомщу» или «Я заставляю слушать себя и выполнять мои требования». При недостаточно осознанном решении, когда наблюдается дефицит времени, личность может действовать спонтанно, под влиянием сиюминутных побуждений, опираясь на стереотипы поведения, которые сложились у нее в прошлом опыте. Поэтому выбирают наиболее простой и легкий способ реагирования, т. е. либо сами используют принуждение, либо встают в позицию жертвы, пострадавшего, обиженного и т. д. К когнитивному компоненту относятся и различного рода оправдания своих действий и поступков, которые, по сути, носят характер принуждения, вплоть до проявления агрессии. Вспомним всем хорошо известное «А он первым

начал!» У взрослых людей оправдание насильственных действий носит более изощренный и «правдоподобный» характер. Многие из этих оправданий базируются на установке, что тот, к кому применено принуждение, плохой человек, заслуживающий того, как с ним поступили.

Эмоциональный компонент. Роль эмоций в жизни человека трудно переоценить, они сигнализируют ему о том, насколько удовлетворяются или не удовлетворяются его потребности. Когда мы говорим о ситуациях, связанных с принуждением, то нередко здесь актуализируются отрицательные эмоции и чувства, такие как раздражительность, обидчивость, тревожность и психологическая напряженность, злость, гнев, ярость, мстительность, злорадство, которые могут выражаться в активных или пассивных формах проявления агрессии. Отрицательные эмоции усиливают мотивацию действий, связанных с принуждением, а в некоторых конкретных случаях сами начинают играть роль ситуативных мотивов. Особенно ярко это проявляется у маленьких детей (Асеев, 1976), а также у взрослых людей, которые не овладели в полной мере навыками саморегуляции.

Поведенческий компонент. Сюда относятся конкретные действия, которые осуществляет человек в той или иной ситуации. К насильственным действиям относятся действия, которые наносят ущерб объекту или субъекту взаимодействия. Применительно к человеку в качестве ущерба могут выступать смерть, телесные повреждения, урон здоровью, психологическому и социальному благополучию. Спектр действий принуждающего характера многообразен. К ним относятся приказ, жесткое требование дисциплины и послушания, давление на личность, угрозы и запугивание, наказание, привлечение к ответственности и др. Агрессивные действия достаточно обстоятельно изучены и описаны в современной психологии. Различают физическую и вербальную агрессию, косвенную агрессию, негативизм и т. п.

В зависимости от особенностей принятия принуждения как ценности и доминирующих мотивов можно выделить три разновидности позиции ненасилия: эгоистическую, эгоцентрическую и псевдоальтруистическую. При эгоистической позиции принуждения для человека важны только свои желания и цели или желания и цели узкой группы людей (коллективный эгоизм), для достижения которых приемлемы любые средства. Эгоцентрический вариант позиции принуждения — более мягкий. Здесь индивид центрирован на своих взглядах, убеждениях, представлениях и полагает, что им должны следовать и другие, при этом он может отказываться от крайних форм принуждения, но не отвергать его вообще, используя меры психологического и социального давления на других людей. При псевдоальтруистической позиции личность как бы центрирована на другом человеке, руководствуясь установкой «мне ничего не нужно, я все делаю ради тебя». То есть здесь принуждение обосновывается благом для другого.

ПОЗИЦИЯ МАНИПУЛИРОВАНИЯ

«Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко, 2003: 58). Следовательно, *позицию манипулирования* можно определить как систему взглядов, ценностей, мотивов, поведенческих реакций, проявляющихся в особом отношении человека к миру и другим людям, в основе которого также лежит принуждение, но в завуалированной форме, проявляющееся в особых действиях, скрывающих истинные намерения манипулятора, тем не менее побуждающих другого человека следовать им.

Мотивационно-ценностный компонент. Манипулятор внутренне руководствуется принципом принуждения, но внешне демонстрирует отрицательное к нему отношение. Он отказывается от прямого принуждающего влияния и воздействия на других, руководствуясь принципом: «Зачем действовать прямо, когда можно обхитрить, выставляя себя в лучшем свете». То есть реально за этим стоят скрытые мотивы, связанные с достижением своих собственных эгоистических целей. Таким образом, в основе манипулирования лежат хитрость и обман. Конкретные мотивы манипулирования определяются теми целями, которые преследует манипулятор. Это может быть стремление «привязать» другого к себе, заслужить любовь и признание, желание навязать свои взгляды и убеждения и заставить им следовать, решить свои собственные проблемы чужими руками, повысить свой статус, добиться материальной или моральной выгоды и др.

Эмоциональный компонент. Эмоциональная сфера манипулятора нередко характеризуется амбивалентностью. Очень хорошо это выражено в термине «ханжество», под которым понимают показное благочестие при внутреннем неприятии внешне отстаиваемых идеалов и ценностей. Поэтому манипулятор может улыбаться, испытывая при этом раздражение, изображать растерянность, обиду и одновременно злорадоваться, льстить человеку и презирать его.

Когнитивный компонент. Для того чтобы манипулировать другими людьми, необходимо обладать незаурядным мышлением, быстротой реакции в принятии решений, держать в памяти наработанные ранее алгоритмы манипулирования. Как и любое действие человека, манипулирование может быть более или менее осознанным. Осознанная форма проявляется в планировании манипулятивных действий, в продумывании тактики достижения собственных целей, в мысленном обосновании своих намерений. Однако манипулирование может быть и менее осознанным, спонтанным, когда необходимо быстро принять решение, выгодное манипулятору. Здесь и проявляется способность человека-манипулятора быстро оценивать ситуацию и принимать выгодные для себя решения, используя различные манипулятивные техники.

Поведенческий компонент. За долгую историю своего развития человечество выработало множество способов обмана и манипулирования, которые с трудом поддаются анализу и классификации. В качестве наиболее распространенных действий манипулирования выступают такие, как лезть, обман, подкуп, запугивание, намеки, опосредованное давление, ссылки на авторитеты и др. Конкретные приемы манипулирования зависят от так называемых мишеней манипулирования и точек его приложения. Например, ребенок проявляет упрямство, капризничает, точкой приложения является любовь к нему со стороны родных и близких. Взрослые люди часто используют так называемые игры, в основе которых лежит манипулирование. Они достаточно подробно описаны в психологии (Берн, 2012).

Позиция манипулирования может выражаться в прямой или косвенной форме. При *прямом* манипулировании противоположная сторона отдает отчет в том, что ею манипулируют, но ничего не может с этим сделать, так как чувствует себя зависимой от манипулятора. *Косвенная позиция* — наиболее изощренная форма манипулирования. Здесь человек и не подозревает, что им манипулируют, он полагает, что все делает добровольно, по своей воле и в соответствии со своими желаниями. Особой разновидностью манипулирования является «*ханжеская*» позиция, или позиция двуличия, когда манипулятор говорит одно, а думает совсем другое, внешне демонстрирует полную покорность противоположной стороне взаимодействия, но постепенно подводит ее к нужным манипулятору решениям.

ПОЗИЦИЯ НЕНАСИЛИЯ

Позиция ненасилия представляет собой целостную систему взглядов, ценностей, мотивов, поведенческих реакций, проявляющихся в особом отношении человека к миру и другим людям без использования необоснованного принуждения, ориентированную на «усиление существования» другого объекта или субъекта взаимодействия. В приведенном определении выделяются две взаимосвязанные стороны.

Во-первых, это отказ от необоснованного принуждения. Здесь мы исходим из положения, которое было сформулировано еще М. Ганди: «Полное ненасилие возможно лишь теоретически, как прямая Евклида». Таким образом, речь должна идти не о состоянии ненасилия, а о движении к ненасилию. Это, в свою очередь, означает, что человек, у которого сформирована позиция ненасилия, будет проявлять гибкость поведения. Там, где от насилия отказаться невозможно, он и не будет от него отказываться, там же, где такая возможность существует, он будет поступать ненасильственно. Другими словами, обладать позицией ненасилия — значит постоянно в каждой конкретной жизненной ситуации делать осознанный выбор из ряда альтернатив такой альтернативы, которая несет в себе наименьший заряд принуждения. В этом проявляется одновременно и сила, и независимость человека, для которого ненасилие стало реальной ценностью жизни.

Во-вторых, в определении подчеркивается, что позиция ненасилия выражается в «усилении существования» объекта или субъекта взаимодействия. Термин «усиление существования» принадлежит С. А. Рубинштейну, когда он говорил о любви как особой форме отношения людей (Рубинштейн, 1997). Мы полагаем, что этот термин имеет более широкое значение. Усиление существования — это и любовь, и забота, и интерес, и положительное эмоциональное отношение к другому человеку или к иным объектам, например к объектам природы, животному миру. Иными словами, человек, обладающий позицией ненасилия, создает для другого условия, при которых он чувствует себя свободной и ответственной личностью, когда не унижается его достоинство, когда он испытывает позитивные эмоциональные переживания, — и как итог у него возникает чувство доверия и расположенности к субъекту, «усиливающее его существование». Таким образом, обобщенным признаком «усиления существования» является возникновение у человека *чувства собственной значимости* для другого человека, выражающегося в убежденности, что тебя любят, тебе доверяют, готовы о тебе заботиться и оказывать помощь и поддержку даже тогда, когда тебя критикуют, высказывают неудовлетворение твоей деятельностью и поведением, даже наказывают.

Обратимся к характеристике структуры позиции ненасилия.

Мотивационно-ценностный компонент. Как мы уже отметили, во многих религиозных, философско-этических концепциях, в гуманистической педагогике и психологии ненасилие признается в качестве безусловной общечеловеческой ценности. Основания здесь различные: от непричинения вреда всему живому, поскольку оно обладает душой и находится в цепи перевоплощений (джайнизм), до признания ценности любой жизни, что требует от любого человека ответственного отношения к тому, что он делает, как живет и как относится к окружающему миру и другим людям. Поэтому принятие личностью идеи ненасилия как ценности есть серьезный шаг на пути ее саморазвития. При этом важно заметить, что в отличие от идеи правомерности использования насилия идею ненасилия частично принять невозможно. Если это происходит, то человек автоматически занимает позицию принуждения. Человек, принявший позицию ненасилия, может активно вмешиваться в естественный ход событий,

изменять его, но используя чаще всего не принуждение, а ненасильственные методы.

У человека со сформировавшейся позицией ненасилия в процессе взаимодействия с другими людьми доминировать начинает просоциальная мотивация. Это мотивы, связанные с оказанием помощи, поддержки, заботы, установлением дружеских отношений, альтруистические мотивы, мотивы сотрудничества, любви, а также мотивы, обусловленные чувством долга, ответственности и др.

Когнитивный компонент. Как и в предыдущих случаях, когнитивный компонент позиции ненасилия связан с осознанием необходимости принятия решения, как поступить — насильственно или ненасильственно. Чтобы принять решение, связанное с выбором ненасильственной альтернативы, человек должен обладать гибкостью мышления, убежденностью в преимуществе ненасильственных способов реагирования.

Эмоциональный компонент. В качестве базовых эмоциональных состояний, характеризующих позицию ненасилия, выступают чувство уверенности в себе и эмоциональная устойчивость, а также эмоциональные состояния, сопровождающие проявления человеком доброжелательности, дружелюбия, доброты, открытости, внимательности к людям. К конкретным эмоциям, сопровождающим ненасильственное действие, можно отнести способность к эмпатии, благожелательность, позитивный эмоциональный настрой, радость, интерес, умиротворенность, ощущение счастья и др. Именно они создают предпосылки для активизации мышления и принятия решения, не основанного на применении насилия.

Поведенческий компонент. Сюда относятся конкретные действия, которые осуществляет человек в той или иной ситуации. Человек, принявший позицию ненасилия, как уже отмечалось, может вмешиваться в ход событий, используя при этом не принуждение, а ненасильственные методы. Собственно ненасильственные действия подразделяются на два типа: действия, когда их инициатором является сам субъект, и действия, когда субъект вынужден оказывать сопротивление. К первому типу мы относим такие действия, как отказ от принуждения при активном вмешательстве в события, помощь, сотрудничество и любовь. Ко второму — неподчинение требованиям, терпение, компромисс, прощение, снижение агрессивного потенциала противоположной стороны.

С ненасильственными действиями тесно связана и ненасильственная коммуникация, так как любое действие сопровождается общением, в процессе которого человек использует речь и другие средства коммуникации. Важно не только содержание коммуникации, но и форма, посредством которой она осуществляется. Пожалуй, наиболее известным специалистом в области ненасильственной коммуникации является американский ученый М. Розенберг (Розенберг, 2009). Он выделил «язык Шакала» (в других переводах — «Волка») и «язык Жирафа». «Язык Шакала» — это язык требований, приказов, морализирования, оценки, навешивания ярлыков и т. п. «Язык Жирафа» — это язык сердца, язык, который нас соединяет. Жираф видит перспективу общения, им движет доброта и сила. М. Розенбергом разработана уникальная технология, которая дает возможность овладеть «языком Жирафа».

ПОЗИЦИЯ СМИРЕНИЯ

Позиция смирения. Смирение — качество личности, проявляющееся в убежденности предопределенности того, что с ней происходит, исключаящее активное сопротивление. В христианстве смирение — это добродетель, противоположная гордости, характеризующаяся «скромностью духа».

Позиция смирения — целостная система взглядов, ценностей, мотивов, поведенческих реакций, проявляющихся в особом отношении человека к миру и другим людям, основанная на признании предопределенности жизненных событий, отрицании необходимости активного противодействия тому, что предопределено судьбой, обстоятельствами или высшими силами.

Ценностно-мотивационный компонент. Ценности, которых придерживается человек, занявший позицию смирения, могут быть диаметрально противоположными. В науке выделяют два вида смирения: «рабское смирение» и «аскетическое смирение» (Жилина, 2016).

В первом случае ценностью является само выживание человека, отсюда смирение выступает как способ адаптации к сложным условиям существования. Здесь можно выделить четыре типа людей, которые придерживаются данной ценности. Первый тип проявляет смирение только в жестких условиях жизни, при изменении условий в благоприятную сторону, представители этого типа готовы мстить бывшим притеснителям, т. е. использовать принуждение. Второй тип даже при изменении условий сохраняет рабскую психологию, «остаётся верным хозяину», так как не привык возлагать ответственность за свою жизнь на себя. Третий тип — это тип жертвенности. Для людей этого типа смирение выступает как форма жертвенности ради каких-то идеалов или ради близких людей. Четвертый тип — проявление элементарной трусости. Человек смиряется, потому что боится санкций и наказаний, ощущает себя слабой личностью, неспособной противостоять жизненным трудностям и неблагоприятным факторам.

Во втором случае смирение есть проявление свободы человека, когда он добровольно накладывает на себя определенные ограничения. Здесь можно выделить по крайней мере две разновидности ценностей. Первая — центрация на событиях жизни, которая обусловлена признанием, что все предопределено высшими силами («на все Божья воля») или судьбой, которую изменить нельзя. Вторая — центрация на себе, своем стремлении к самосовершенствованию, которое проявляется в саморегулировании, подавлении дурных наклонностей, преодолении гордыни как «смертного греха». Объединяющим центром этих центраций является идея непротивления злу насилем, которая проповедуется в христианстве, а также в буддизме (срединный путь, невмешательство в ход событий). Для человека нерелигиозного она трансформируется в идею неприемлемости насилия как способа решения жизненных задач. Ценность приобретают такие качества личности, как скромность, уступчивость, миролюбие, отсутствие зависти, милосердие и т. п.

В зависимости от доминирующей ценности выделяются и мотивы смиренного поведения. Сюда можно отнести страх наказания, мотив жертвенности, мотив трусости, стремление положиться на высшие силы, мотивы самосовершенствования, преодоления гордыни, альтруистические мотивы, а также мотивы, связанные с отказом от принуждения, и др.

Когнитивный компонент. Проявляется в более или менее осознанном решении принимать жизнь, в том числе и удары судьбы, как неизбежность, не выражая возмущения и не планируя насильственных действий. Человек, занимающий позицию смирения, осознает, что от его протестных реакций лучше не будет, он готов к лишениям, к проявлениям терпения и выдержки.

Эмоциональный компонент. Отличительной чертой человека, занимающего позицию смирения, является способность к саморегуляции. Это проявляется в умении

сдерживать эмоции, особенно отрицательные: раздражительность, гнев, озлобленность, обидчивость, враждебность и т. п. Ценятся эмоциональная устойчивость, сдержанность, скромность, доброжелательность, отсутствие чувства зависти.

Поведенческий компонент. Действия, которые предпринимает человек, занимающий позицию смирения, примерно такие же, как и при позиции ненасилия. Он также способен к оказанию помощи, сотрудничеству, компромиссу, проявлениям любви, терпению и проч. Только в силу того, что данная позиция — менее активная форма выражения ценности ненасилия, такие действия реже носят инициативный характер, базируются на установке невмешательства в естественный ход событий. Кроме того, значительную роль начинают играть мотивы, побуждающие к проявлению смирения. Например, позиция смирения трусливого человека будет существенно отличаться от позиции смирения, которую человек выбирает сознательно. В первом случае человек вообще будет отказываться от активного вмешательства в события, проявляя лишь терпение и выдержку («я ничего не могу поделать, так сложились обстоятельства»). Во втором — то же терпение выступает не как покорность, а как способ непротивления злу, при котором на первый план выдвигаются отказ от импульсивных, не-обдуманных действий и способность к прощению. Психология прощения — одно из разрабатываемых направлений в современной психологии (Гассин, 1999). Смысл прощения состоит в том, чтобы преодолеть гнев и желание мстить, научиться смотреть на обидчика с сочувствием.

В качестве особых разновидностей проявления позиции смирения можно выделить альтруистическую позицию и позицию невмешательства. *Альтруистическая позиция* проявляется в центрации личности на других людях, вплоть до принесения в жертву собственных интересов. В отличие от псевдоальтруистической позиции здесь доминируют реальные бескорыстные гуманистические мотивы, мотивы блага другого, которые реализуются в действиях, исключающих принуждение. Особый интерес представляет *позиция невмешательства*. Люди, занимающие данную позицию, только по форме ведут себя ненасильственно. Они не причиняют зла другим, но и не творят добра. Ее признаком является отказ от активной деятельности и взаимодействия с миром, невмешательство в ход событий. Следует отметить, что эта позиция также не однозначна по своим проявлениям. Для одних людей позиция невмешательства определяется элементарной трусостью, боязнью своим поведением и любыми действиями нарушить хрупкое равновесие между собой и другими людьми или безразличием, повышенной толерантностью к любым событиям жизни, особенно таким, которые непосредственного не затрагивают человека. Для других невмешательство — идейная позиция, обусловленная эскапизмом, т. е. уходом от проблем, обусловленным усталостью, депрессией, неверием в лучшее и т. д. В качестве одного из проявлений эскапизма выступает явление дауншифтинга, под которым понимается отказ от любой деятельности, связанной со стрессами, ответственностью, отнимающей все свободное время, ради спокойной жизни. Известно немало примеров, когда успешные, обеспеченные люди бросали все и уезжали в деревню, сознательно лишая себя многих благ цивилизации.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ: МНЕНИЯ

Итак, мы описали четыре типа позиций и некоторые их разновидности, которые может занимать человек в процессе взаимодействия с другими людьми, ориентируясь на ценности принуждения или ненасилия. Это позиции принуждения, манипулирова-

ния, ненасилия и смирения. Все они нам хорошо известны по своему опыту. В зависимости от конкретной ситуации, преследуемых целей мы выбираем ту позицию, которая нам кажется наиболее соответствующей контексту взаимодействия, хотя понятно, что здесь не исключены и ошибки. Тем не менее в течение жизни и накопления опыта, принятия тех или иных ценностей каким-то из них начинает отдаваться предпочтение, что и определяет стиль поведения конкретной личности.

Практика показывает, что чаще всего люди в своей массе занимают позицию принуждения в ее эгоцентрической форме. То есть они отрицают крайние формы насилия, но вполне допускают принуждение в его обыденной форме в виде давления, требований, ограничений, угроз, запугивания, вербальной агрессии, манипулирования и т. д. Принятие позиций, связанных с ценностью ненасилия, требует от человека определенных усилий, личностной зрелости, повышенной ответственности, гибкости мышления. Каждый из нас, опираясь на свой опыт, может привести немало примеров людей, для которых позиция ненасилия является основной формой взаимодействия с миром и другими людьми. Их отличают доброта, чуткость, доброжелательность, внимательность, открытость, терпимость и т. д.

Возникает вопрос: какая из названных позиций является предпочтительней? Ответить на него однозначно не представляется возможным. В специальной литературе мы найдем самые разнообразные мнения. Имеется немало исследований, в которых отстаивается и доказывается право человека на принуждение, а также исследований, где ненасилие объявляется не только гуманистической химерой, но и вредным учением, не способным решить задачи, связанные с уменьшением насилия.

Проблема допустимости принуждения и насилия активно обсуждается многими учеными и общественными деятелями. В частности, в основу философии Ф. Ницше положен конструкт «воля к власти». Согласно его концепции, в реальной жизни выживает сильнейший, бесстрашно ведущий войну за свое выживание. Такое выживание невозможно без применения насилия. Его девиз: «Пусть гибнут слабые и уродливые... Надо помогать им погибнуть. Ибо сострадание — слабость безвольного человека» (Ницше, 1990: 15). В соответствии с этим вынашивается и идея «Сверхчеловека», для которого характерны не сострадание, жалость или милосердие, а жестокость, способность переступить границу дозволенного во имя долга, не останавливаться перед насилием и войной, перед принесением многих (слабых) в жертву во имя осуществления воли к власти.

Чаще всего насилие признается правомерным, если: а) предотвращает другое насилие, является противонасилием и б) осуществляется во благо тех, кто подвергается насилию (Гусейнов, 1999). Возможны и разные варианты. Например, в концепции А. И. Ильина (Ильин, 1993) осуждается насилие как таковое и допускается «непредосудительное заставление». В анархизме признается, что для человеческого общества характерно существование неравенства, ущемление прав человека. Поэтому необходимо восстановить справедливость, признавая полнейшую свободу человека везде и во всем. Восстановить эту справедливость можно только с помощью насилия (Кропоткин, 1991). В этике осознанного действия Р. Хиггинса акцент делается на осознанность действий и поступков, которые не исключают возможностей применения насилия. «Я с опозданием понял, — пишет Р. Хиггинс, — что не только вооруженное сдерживание, но и умышленная агрессия (или контрагрессия) в иных случаях могут быть оправданы» (Хиггинс, 1990: 64).

Не меньшей критике подвергается и идеология ненасилия. Сошлемся здесь лишь на одну статью современного представителя анархо-синдикализма — американского

ученого и общественного деятеля В. Мейерса «Ненасилие и его насильственные последствия» (Мейерс, 2000: Электронный ресурс). Смысл статьи заключается в доказательстве, что ненасилие как автоматическое решение социальных проблем не может предотвратить насилие и не является лучшим способом его уменьшения. Мейерс пишет по этому поводу: «Ненасилие прописывает одно лекарство для всех социальных болезней. Оно выписывает аспирин марки Ганди для всего, от незначительной головной боли до смертельного рака. Но социальные недуги реального мира сложны, а не просты» (там же).

В итоге делается вывод в духе анархизма — необходимо уменьшать насилие, но при этом не возбраняется использовать те же насильственные методы, так как другие методы (имеются в виду ненасильственные) не способны привести к положительному результату. И с этим нельзя не согласиться. Ненасильственное сопротивление М. Ганди и методы, используемые в бархатных революциях, это различные вещи. В первом случае — справедливая борьба за освобождение от колониального владычества, во втором — форма смена власти, когда на смену одной олигархической верхушки приходит другая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, относительно обоснования насилия и ненасиления как ценностей имеются противоположные точки зрения. В них, как в зеркале, отражаются две позиции относительно ценности насилия или ненасиления. Одни говорят, что ненасилие существует уже тысячи лет, но не дало значимых результатов, мир не изменился в лучшую сторону. Другие — если бы не ненасилие, мир давно был бы уничтожен.

Сделаю небольшой экскурс в оценку правомерности применения насилия и ненасиления, вернемся к проблеме позиций взаимодействия. Какая же из описанных нами позиций является оптимальной с точки зрения эффективности процесса взаимодействия и достижения его целей? Признавая тот факт, что все указанные позиции имеют право на существование, оценивать целесообразность их использования можно, только учитывая конкретную ситуацию и мотивацию взаимодействующих людей, а также те результаты, к которым они приходят. Тем не менее мы полагаем, что предпочтительнее является позиция ненасиления.

Аргументация здесь следующая.

Во-первых, позиция ненасиления вовсе не предполагает полный отказ от принуждения, как это может показаться на первый взгляд. Она предполагает гибкость мышления в выборе средств взаимодействия, когда предпочтение отдается таким из них, которые несут в себе наименьший заряд принуждения. Например, если есть возможность просить, а не требовать, то предпочтением будет просьба. Если есть возможность не угрожать и запугивать, а заинтересовывать, то нужно заинтересовывать. Если есть возможность не манипулировать, то нужно отказаться от манипулирования. Принуждение используется только в крайних случаях, когда нет иных возможностей. Когда на вас нападают на улице, ничего не остается, как защищаться. Когда другой человек подвергается угрозе, но не осознает этого и не желает ничего предпринимать, — это ситуация, когда принуждение будет выступать как форма помощи. Любая жизненная ситуация поддается анализу с позиций целесообразности в каждом конкретном случае применения принуждения или ненасиления.

Во-вторых, позиция ненасиления предполагает открытость, доверие, прямоту, терпимость, социальную смелость, принципиальность, отказ от завуалированного мани-

пулирования. Все это не исключает откровенного выражения своих чувств и мнений, в том числе и отрицательных.

В-третьих, человек, занимающий данную позицию, в первую очередь ориентирован не столько на факт поступка и действий другого человека, сколько на понимание их побудительных мотивов. Это дает возможность не отождествлять личность с ее поступками. Вспомним слова М. Ганди: «Отделяй грех от грешника».

В-четвертых, позиция ненасилия требует от человека хорошего владения собой, способности к саморегуляции, осознанности своего поведения и поведения других людей, принятия выверенных решений.

Несомненно, занимать позицию ненасилия гораздо сложнее, чем позиции принуждения и манипулирования. Человек должен к этому прийти самостоятельно или с помощью других людей, которые выступают для него образцами ненасильственного поведения. Особенно значимой позиция ненасилия является для специалистов сферы «человек — человек»: врачей, учителей, юристов, психологов, социальных работников и т. д. Она дает возможность строить эффективное взаимодействие и решать свои профессиональные задачи без использования форм давления и принуждения. Формирование такой позиции — процесс длительный и сложный, но вполне реальный. Наш опыт практической работы со студентами — будущими педагогами и психологами показывает, что цель, связанная с формированием позиции ненасилия, при определенных усилиях вполне достижима (Маралов, Ситаров, 2016).

В заключение необходимо отметить, что принятие человеком ценностей принуждения или ненасилия находит свое конкретное выражение в позициях взаимодействия. Если отдается предпочтение ценности принуждения, то это будет выражаться в позициях принуждения или манипулирования. Если человек принимает ценность ненасилия, то чаще он будет использовать либо позицию ненасилия, либо позицию смирения. Результаты проведенного нами теоретического исследования могут являться основой для разработки конкретных технологий, связанных с формированием у личности гуманистической направленности личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асеев, В. Г. (1976) Мотивация поведения и формирования личности. М. : Мысль. 158 с.
- Берн, Э. (2012) Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. М. : Эксмо. 576 с.
- Ганди, А. (2009) Предисловие // Розенберг, М. Язык жизни. Ненасильственное общение : пер. с англ. М. : София. 268 с. С. 5–6.
- Гассин, Э. А. (1999) Психология прощения // Вопросы психологии. № 4. С. 93–104.
- Гусейнов, А. А. (1999) Понятие насилия // Философия, наука, цивилизация. Посвящается 65-летию со дня рождения академика РАН В. С. Степина / отв. ред. В. В. Казютинский. М. : Едиториал УРСС. 368 с. С. 293–308.
- Доценко, Е. А. (2003) Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : Речь. 304 с.
- Жилина, У. В. (2016) Смирение и его формы // Вестник Челябинского государственного университета. № 5 (387). Философские науки. Вып. 40. С. 48–54.
- Ильин, И. А. (1993) Путь к очевидности. М. : Республика. 432 с.
- Ковалев, Г. А. (1987) Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. № 3. С. 41–49.
- Кропоткин, П. А. (1991) Этика. М. : Политиздат. 496 с.
- Маралов, В. Г., Ситаров, В. А. (2015) Педагогика и психология ненасилия в образовании. М. : Юрайт. 424 с.

Маралов, В. Г., Ситаров, В. А. (2016) Психолого-педагогические условия формирования ненасильственного отношения к другим людям (на примере студенческой молодежи) // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 246–258. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.22

Мейерс, В. (2000) Ненасилие и его насильственные последствия : пер. с англ. [Электронный ресурс] // Архивные страницы сайта Ярославский анархист. URL: http://yar.anarhist.org/library/theory/t_mod_58.htm (дата обращения: 12.12.2016).

Ницше, Ф. (1990) Антихристианин (опыт критики христианства) / пер. с англ. А. Михайлова // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М. : Политиздат. 398 с. С. 7–93.

Розенберг, М. (2009) Язык жизни. Ненасильственное общение. М. : София. 169 с.

Рубинштейн, С. А. (1997) Человек и мир. М. : Наука. 192 с.

Хиггинс, Р. (1990) Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / пер. с англ. и фр. ; сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева. М. : Прогресс. 495 с. С. 26–76.

Дата поступления: 09.01.2017 г.

CHARACTERISTICS OF INTERACTION POSITIONS AS FORMS
OF EXPRESSING THE VALUES OF COMPULSION OR NON-COERCION

V. G. MARALOV

CHEREPOVETS STATE UNIVERSITY

V. A. SITAROV

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article deals with the problem of coordinating the values of compulsion or non-coercion with the positions of interaction. Its acuteness is stipulated by the significance of revealing the mechanisms of the impact that value orientations have on human behaviour, his/her relationships with other people, which, in its turn, makes it possible to create psychological and pedagogical conditions for forming value orientations and the humanistic side of personality.

The article outlines the characteristics of coercion and non-coercion as universal values. It puts forward the hypothesis that the logical basis of defining interaction positions can be twofold: acceptance or non-acceptance of the compulsion and non-coercion values, on the one hand, and the interaction subject's level of activity or passivity, on the other. The theoretical analysis reveals and describes four positions. The compulsion position has the following options: egoistic, egocentric and pseudo-altruistic. The manipulation position in its direct and indirect form and also the «sanctimonious» position (hypocrisy position) as being its variation is described in the article as well. Moreover, the author dwells on the position of non-coercion and humility together with its variations — the altruistic position and the position of non-intervention.

The structural components of each position are characterised as follows: motivational and axiological, cognitive, emotional, and behavioural. The article analyses different viewpoints on the problem of justifying the application of compulsion and non-coercion. The arguments are generated in favour of the expediency of the non-coercion position as a form of interaction. Its benefits are identified in behavioural flexibility, which is expressed when choosing means of interaction with the least compulsion charge.

The research results can be applied to practical formation of the humanistic side of the personality.

Keywords: coercion; non-coercion; values; compulsion position; manipulation position; non-coercion position; humility position

REFERENCES

Aseev, V. G. (1976) *Motivatsiia povedeniia i formirovaniia lichnosti*. Moscow, Mysl'. 158 p. (In Russ.).

Bern, E. (2012) *Igry, v kotorye igrayut liudi. Liudi, kotorye igrayut v igry*, transl. by Engl. Moscow, Eksmo. 576 p. (In Russ.).

Gandi, A. (2009) Predislovie. In: Rozenberg, M. *Iazyk zbizni. Nenasil'stvennoe obsbchenie*, transl. by Engl. Moscow, Sofiia. 268 p. Pp. 5–6. (In Russ.).

Gassin, E. A. (1999) Psikhologiya proshcheniia. *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 93–104. (In Russ.).

Guseinov, A. A. (1999) Poniatie nasiliia. In: *Filosofiiia, nauka, tsivilizatsiia. Posviashchaetsia 65-letiiu so dnia rozhdeniia akademika RAN V. S. Stepina*, ed. V. V. Kaziutinskii. Moscow, Editorial URSS. 368 p. Pp. 293–308. (In Russ.).

Dotsenko, E. L. (2003) *Psikhologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita*. Moscow, Rech'. 304 p. (In Russ.).

Zhilina, U. V. (2016) Smirenje i ego formy. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (387). *Filosofskie nauki*, vol. 40, pp. 48–54. (In Russ.).

Il'in, I. A. (1993) *Put' k ochevidnosti*. Moscow, Respublika. 432 p. (In Russ.).

Kovalev, G. A. (1987) Tri paradigmy v psikhologii — tri strategii psikhologicheskogo vozdeistviia. *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 41–49. (In Russ.).

Kropotkin, P. A. (1991) *Etika*. Moscow, Politizdat. 496 p. (In Russ.).

Maralov, V. G. and Sitarov, V. A. (2015) *Pedagogika i psikhologiya nenasiliia v obrazovanii*. Moscow, Iurait. 424 p. (In Russ.).

Maralov, V. G. and Sitarov, V. A. (2016) Psikhologo-pedagogicheskie usloviia formirovaniia nenasil'stvennogo otnosheniia k drugim liudiam (na primere studencheskoi molodezhi). *Znanie. Poniimanie. Umenie*, no. 2, pp. 246–258. DOI: 10.17805/zpu.2016.2.22 (In Russ.).

Meiers, V. (2000) Nenasilie i ego nasil'stvennye posledstviia, transl. by Engl. *Arkhivnye stranitsy saita Iaroslavskii anarchist* [online] Available at: http://yar.anarhist.org/library/theory/t_mod_58.htm (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Nitsshe, F. (1990) Antikhristianin (opyt kritiki khristianstva), transl. by Engl. A. Mikhailov. In: *Sumerki bogov*, comp., ed. A. A. Iakovlev. Moscow, Politizdat. 398 p. Pp. 7–93. (In Russ.).

Rozenberg, M. (2009) *Iazyk zbizni. Nenasil'stvennoe obsbchenie*. Moscow, Sofiia. 169 p. (In Russ.).

Rubinshtein, S. L. (1997) *Chelovek i mir*. Moscow, Nauka. 192 p. (In Russ.).

Khiggins, R. (1990) Sed'moi vrag. Chelovecheskii faktor v global'nom krizise. In: *Global'nye problemy i obsbchechelovecheskie tsennosti*, transl. by Engl. and Fr.; comp. L. I. Vasilenko and V. E. Ermolaeva. Moscow, Progress. 495 p. Pp. 26–76. (In Russ.).

Submission date: 09.01.2017.

Маралов Владимир Георгиевич — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Череповецкого государственного университета. Адрес: 162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5. Тел.: +7 (921) 252-40-57. Эл. адрес: vgmaralov@yandex.ru

Ситаров Вячеслав Алексеевич — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (495) 374-74-59. Эл. адрес: sitarov@mail.ru

Maralov Vladimir Georgievich, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Cherepovets State University. Postal address: 5 Lunacharsky Prospekt, 162600 Cherepovets, Vologda Oblast, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 252-40-57. E-mail: vgmaralov@yandex.ru

Sitarov Viacheslav Alekseevich, Doctor of Pedagogy, Professor and Chair, Department of Pedagogy and Psychology of Higher School, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 374-74-59. E-mail: sitarov@mail.ru